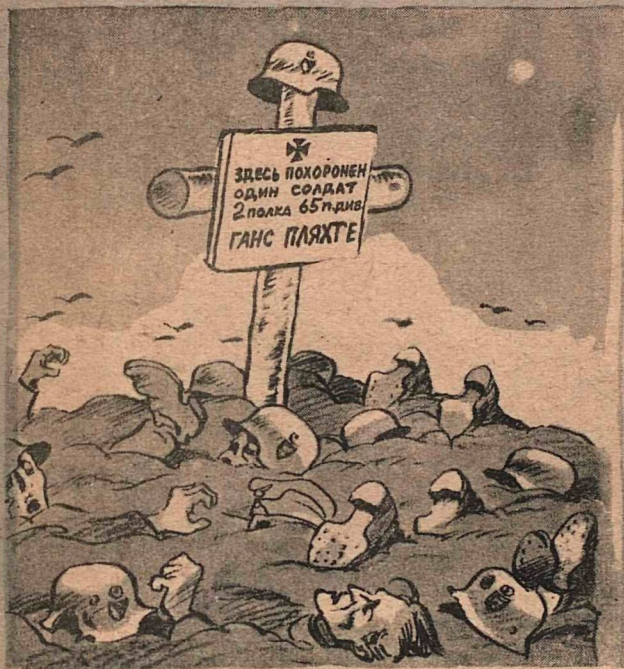

К Р О К О Д И Л

Новые иллюстрации к произведениям Гоголя

Рис. Бор. Ефимова

«Мертвые души».

«Вечера на хуторе близ Диканьки».

«Записки сумасшедшего»

«Страшная месть».

✓ На Южном фронте

Есть у меня хорошие друзья,
Военной дружбой с ними связан я.
Мы вместе испытали дождь и зной,
Накрытые палаткою одной.

Как много было солнечных лучей,
Простреленных снарядами ночей,
Как много минометного огня
В тень ночи и в тень дня
На Южном фронте!

Как мы лежали возле переправ
Под самолетами, к родной земле прирав,
Как мы проскакивали на грузовиках
Под артогнем, от смерти в двух шагах.

Встречались мы на марше и в бою,
У тлеющей станицы на краю,
Встречались на минуту и на час,
И, может, иногда в последний раз
На Южном фронте.

Я у тебя, товарищ генерал,
В землянке перед боем ночевал.
И у тебя, приятель, был в гостях,
В твоих прославленных на всю страну частях.

Я видел в обстановке боевой
Тебя, мой друг, газетчик фронтовой,
Тебя, полковник, и тебя, майор —
Донбассовский воинственный шахтер —
На Южном фронте.

Товарищи мои! Я вижу вас,
Дерущихся за наш родной Донбасс,
Я слышу вас в гудении ястребков
Гвардейских истребительных полков
И в шелесте захваченных знамен
Чужих разбитых танковых колонн
На Южном фронте.

И на каком бы фронте ни был я,
Со мною рядом вы, мои друзья,
На Южном фронте!

С. МИХАЛКОВ

— ...И вот дал великан мальчику-спальчику краюху хлеба...

— Бабушка, а разве есть великаны?

— Конечно, нет, Фрицхен! Ну, а хлеб разве есть в Германии?

Это же сказка!

Смещение языков ✓

В О ВРЕМЯ боя немецкий генерал бегал в избе, запертой им и его соотечественниками, в которой помещался командный пункт, и кричал:

— Ну, куда они пошли? Куда? Я же приказывал точно: идти на высоту 211, а они... Соединитесь с этой частью по телефону!

— Никак невозможно! — доложил адъютант.

— Почему? Разве связь прервана?

— Телефонная связь существует — языковой связи нет.

— Какой еще такой «языковой связи»?!

— Переводчиков, так сказать. Часть — то итальянская. Нашего переводчика убили, а у них никого нет, кто мог бы...

— А мордрт! Ну, тогда отправьте на высоту 211 те два батальона, которые в резерве.

— Никак невозможно!

— Почему?!

— В резерве у нас румыны, а слева от высоты 211 пошли в атаку венгры. Если венгры увидят румын, — бросят противника и начнут промеж себя резаться...

— А чоррт! А эти где — словаки?

— Словаки уже сдались в плен.

— Все?

— Человек пять осталось у нас. «Мы, — говорят, — составим списки сдавшихся, а потом и сами...»

— Мерзавцы! Финский переводчик у нас, по крайней мере, есть?!

— Переводчик есть... Финнов нету: они перебиты.

— Кто же у нас есть?

— У нас все есть.

— Немцы есть?

— Немцы есть. Только маловато осталось: второй полк еще вчера напоролся на минное поле русских...

— Тогда сообщите по радио командование армии, что я срочно требую подкреплений!

— Не советую. Они ведь пошлют нам остатки «Голубой» испанской дивизии, а вы знаете, что это за войска?..

— Не надо подкреплений! Передайте всем нашим частям: наступление отменяется. Это они поймут — венгры, итальянцы, румыны?..

— Это все поймут! Сейчас передадим в части ваш приказ...

В. АРДОВ

Двойная итальянская бухгалтерия.

В финской деревне ✓

РАБОЧИЕ РУКИ

ГЕРМАНСКОЕ военное командование приказало выделить максимум свободных рабочих рук для полевых работ.

Тут многие начали, как водится, отвиливать. За отвиливание было расстреляно 16 финнов.

Тогда некоторые начали симулировать. За симуляцию было расстреляно 12 финнов.

После этого в деревне осталось всего 17 взрослых жителей: две женщины и 15 мужчин. Они все дружно явились к германскому военному командованию. Тогда германское военное командование увидело, что у 13 мужчин вообще нет рук, так как им их ампутировали во фронтовых госпиталях. И германское военное командование расстреляло этих мужчин за злостный саботаж.

Что касается остальных двух женщин и двух мужчин, то они дружно вышли на полевые работы.

ОБЛАВА

МЛАДШИЙ унтер-офицер Мяккеля и 14 солдат отправились по окрестным лесам вылавливать дезертиров. Сначала младший унтер-офицер и 14 солдат вошли в направлении озера. Дезертиров, чорт побери, не нашлось, сколько ни искали.

Все солдаты ни с чем вернулись из поисков, кроме солдата Вартамяки: он где-то заблудился.

Тогда младший унтер-офицер и 13 солдат пошли в направлении железнодорожной станции. Дезертиров опять, чорт побери, не нашлось. Все солдаты ни с чем вернулись с поисков, кроме ефрейтора Каркяля, который где-то, чорт его побери, запропастился.

Тогда младший унтер-офицер и 12 солдат пошли в направлении лесобиржи. Дезертиров и на этот раз, чорт возьми, не оказалось. Все опять ни с чем вернулись, кроме солдата Курконена, который где-то, дьявол его возьми, застрял в лесу.

Тогда младший унтер-офицер и 11 солдат явились к командиру района докладывать, что дезертиров, чорт возьми, так и нет.

СМОТР МОЛОДЕЖИ

ОБЪЯВИЛИ сбор всех не призванных в армию мужчин. Нужен был новый, молодой призывной контингент. Смотр производил немецкий фельдфебель Штраух.

— Хейнко Окконен здесь? — вызвал он первого.

— Зде-е-сь, — посыпалось из второй шеренги молодого контингента.

— Сколько лет?

— Пятьдесят семь.

— А моложе есть кто? — крикнул фельдфебель.

— Есть.

— Шаг вперед!

Вышло два человека.

— Сколько лет?

— Пятьдесят шесть, — ответил один.

— Пятьдесят шестой только что пошел, — ответил другой.

Остальные с удовольствием пощипывали бороды и усмехались: беда миновала!

Но, увидев улыбку на лицах бородатых резервистов, фельдфебель Штраух отправил всех их (до единого как добровольцев на фронт и доложил начальству, что молодое финское пополнение готово погибнуть за фюрера.

ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ НА ДЕРЕВНЕ

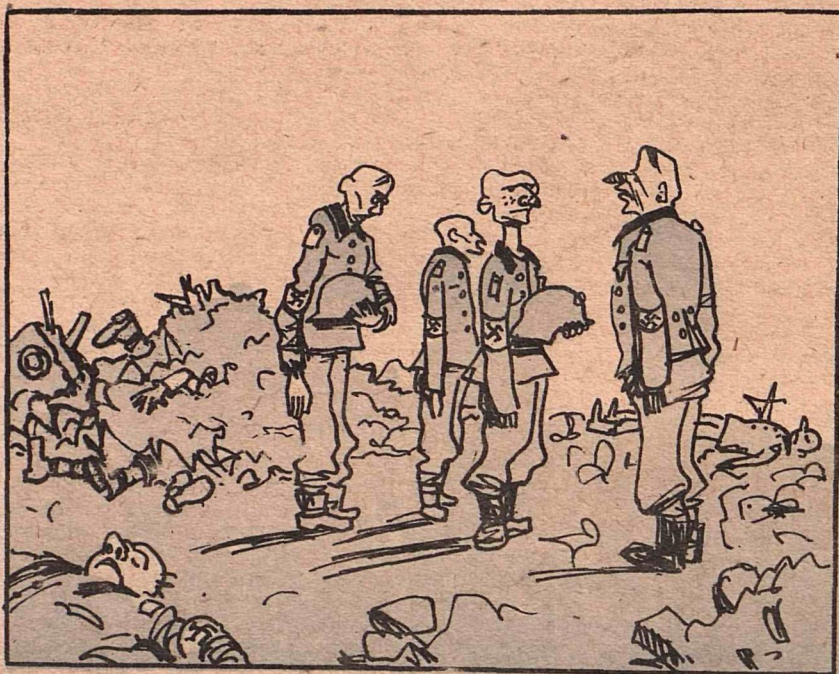
В ЯЙНО Пуугонен вам известен? Это теперь лучший гармонист, лучший заввала, лучший танцор и лучший спортсмен в деревне Сунтола. Он же самый очаровательный кавалер. Первый парень на деревне!

Но кто же, спросите вы, худший, если урод и туберкулезник Вяйно считается лучшим?

Он же и худший. Единственный.

М. ШУР

Карельский фронт.

- Почтим память погибшей дивизии СС вставанием.
- А где командир дивизии?
- Ему предложили почтить память сидением.

✓ Плохое поведение дяди Петера

Точно не помню, но, кажется, это произошло в Гамбурге.

Вечером в тесной квартире стариков Мюллеров собралась гости. Собственно говоря, посторонних там никого не было. Все свои: братья, дяди, тети. Ну, просто зашли посидеть, поговорить о погоде.

Забыл упомянуть, что в числе собравшихся был все же один посторонний. Это часовщик Гейнц, старик, давно проживавший в каморке у Мюллеров.

Итак, сидели тихо, смиренно. Балакали о том, о сем...

Винюват, тут я малость ошибся. О том, о чем даже не заикались. Говорили главным образом о погоде. И все согласились на том, что когда идет дождь, тогда бывает мокро, и наоборот: всегда бывает сухо, когда дождя нет. Очень оживленно беседовали.

А в углу, в древнем, облупленном кресле, безмятежно дремал дядя Петер. И вдруг старик вскакивает и говорит:

— Дорогие фрау и герры! Ну, же к дьяволу вашу погоду! Я вам лучше расскажу... Тут все свои? Свои! Тогда я вам расскажу смешной анекдот.

Дядя Петер приглушенным шепотом стал рассказывать:

— Однажды Гитлеру не спалось. Вот он поздней ночью вызывает к себе Геббельса и говорит...

Все зашикали:

— Тише! Тише! Ради бога, тише! Дядя Петер еще больше снизил голос. Он рассказывал анекдот до конца. Озираясь, оглядываясь, все тихонько посмеялись.

Но все ли смеялись? Нет, не все. Обратите внимание: часовщик Гейнц не смеялся! А это, как увидите дальше, неспроста.

Тетушка Клара сказала:

— Ах, дядя Петер, дядя Петер! Вы несправимы. Разве можно так издеваться над нашим фюрером?! Ну, расскажите еще что-нибудь.

Дядя Петер начал:

— Однажды Геринг заметил, что он начал худеть. Вот он вызывает врача и говорит ему...

Этот анекдот оказался еще смешнее первого. Все от души смеялись.

И опять-таки не все. И опять-таки — обратите внимание! — часовщик Гейнц даже не улыбнулся. А это, как увидите дальше, неспроста.

Потом дядя Петер рассказал еще три анекдота: еще о Гитлере, о Геббельсе и о Гиммлере. Все смеялись: дядя Петер хорошо рассказывал.

Но вдруг рассказчик заметил — это было как раз к концу последнего анекдота, — что часовщик Гейнц не только не смеется, но недовольно пожимает плечами. Более того: часовщик поднялся и демонстративно ушел в свою каморку.

Дядя Петер, встревоженный, вернулся в свое кресло. Он сел и задумался: «Неужели этот Гейнц — тайный агент гестапо? Вот старая собака! Ну и влопался же я, как легкомысленный мальчишка! А главное — из-за чего? Из-за каких-то анекдотов. Да, нехорошо получилось. Это может быть чревато последствиями. Неужели он на меня донесет, на старого знакомого? А, может, пойти к этому хрычу объясниться? Дескать, все это, мол, невинные шутки и не стоит обращать внимания... Пойти, что ли?»

Дядя Петер встал, прошелся по комнате, а потом незаметно для остальных юркнул в каморку часовщика.

— Старина Гейнц, — сказал дядя Петер, сдерживая волнение, — мы ведь старые друзья... И я не хотел бы, чтобы между нами было что-нибудь такое... Понимаете, я не совсем здоров... Ну, и немножко, признаться, выпил. Мне кажется, что я вел себя сегодня не очень хорошо...

— Очень! — заворчал часовщик. — Очень нехорошо!

— Но это ведь несерьезно, — оправдывался побледневший дядя Петер. — Это ведь только легкие анекдоты.

— Все равно! — закричал часовщик и стукнул кулаком по столу. — Все равно! Даже анекдот нельзя коверкать. Как вы рассказали первый свой анекдот о Гитлере? Не Геббельса он вызвал — вот в чем все дело. А Гиммлера! А как вы безбоязненно напугали Герингом. Дело не в том, что эта свинья худеет, а в том, что ей хочется еще больше разжиреть. Вот что самое смешное! А вы порт знаете что понесли! Я даже не выдержал и ушел... А потом вы, друг мой, рассказываете очень старые анекдоты. Дайте я вам расскажу несколько самых новых. Приезжает Гитлер к Маннергейму и говорит ему...

Беседа дяди Петера с часовщиком Гейнцем продолжалась около двух часов.

Г. РЫКЛИН

Жил-был дед Нефед. А у него был огород. А на огороде репка. Очень понравился. Выбрал дед Нефед почку потемнее и цитить чужую репку. Тянет-потянет — вытаскивает.

Позвал дед Нефед на подмогу бабушку. Дед — за чужую репку, бабушка — за деду.

Тогда бабушка Василиса повлекла в суд в моральном отношении внучку Маруську. Деду, внучка — за бабушку! Тянут-потянут — вытаскивает. — Пойдите, — сказала неустойчивая руська, — я свою собаку Жучку приведу.

Взялись они снова: дед — за чужую репку, бабушка — за внучку. Тянут-потянут — у чужой репки на корнях 79-я статья Уголовного кодекса.

В суде дело о репке быстро разобрал дед Нефед, бабушку Василису и неустойчивую Маруську. Одну только Жучку опустошили и поступили не отречающую. Тут и сказке конец.

Недавно стало известно, что Гитлер прилетел в Финляндию и лично поздравил Маннергейма с 75-летием.

Между Маннергеймом и Гитлером происходили какие-то переговоры, что-то на чем-то наставвал. О чем конкретно цели фашистские ласточки, никто не знает: переговоры были тайные. Но догадываться позволено каждому. Мне лично свидание Гитлера и Маннергейма представляется так.

Гитлер сидит в отведенных ему покоях и ждет «хозяина» Финляндии. После дороги он не в духе. Опасливо поглядывая на «фиорера», его адъютант клочочет у накрытого стола.

— Что вы там наставляли?! — ворчит Гитлер. — Ну-ка, уберите коньяк и шампанское. Оставьте только полбутылки шнапса. Хватит с него!..

— Осмелюсь доложить, фюрер: маршал может обидеться.

— Наплевать!

— Все-таки он как бы наш союзник!

— А где это видано: союзников таким коньяком поить? Разбалуешь их, бездельников, — они тебе живо сядут на шею. Съестное тоже уберите. Нам самим не хватит на обратную дорогу.

Адъютант прячет в чемодан закуски и бутылки, и в это время раздается робкий стук в дверь.

— Смелей, смелей, старый хрыч! — с деланным добродушием кричит Гитлер. — Входи, не бойся, я сегодня добрый!..

Дверь отворяется, и входит маршал Маннергейм — пощипанный и желтый, как лимон, с взором бегущих глазками.

— Благодаритель! — с чувством говорит Маннергейм, прижимая руку к сердцу. — Не поленился сам прилететь — поздравить старичка. Спасибо! Позвольте вас облобызать!..

Маннергейм тянется к Гитлеру с объятиями, но пот отмахивается от старого маршала, как от назойливой робаки:

— Иди, иди, старик! Не люблю! Слонявый ты стал какой-то. Смотри: весь мне мушкетер обмочил. Ну, как тут воюется тебе?

— Плохо, благодаритель, воюется. Солдатам моим кушать совсем нечего. А с пустым животом не очень-то навоюешь!.. На вас вся надежда! Вы мне привезли кое-что?

— А как же! Адъютант!

К Гитлеру подсккивает адъютант и подает ему черный бархатный футляр.

— Вот возьми, старина. Это тебе орден Орла. Ну, что же ты молчишь? Благодарил!..

— Премного благодарен! — лепечет Маннергейм. — Дай вам бог здоровьица за ласку вашу. Только!..

— Что «только»? Ты, кажется, недоволен? — Я доволен, только... я думал, что вы мне хлеба украинского привезете... Я ведь и вам писал про хлебец и его высокопревосходительству рейхсмаршалу Герингу писал. Он ничего не просил вас мне передать?

— Просил! Адъютант!

Адъютант снова подсккивает к Гитлеру и подает ему красный бархатный футляр.

— На, Маннергеша. Смотри, какая красивая цапка! С камушками! Это от Геринга тебе. Ноги на здоровье.

В тусклых глазах Маннергейма вспыхивает жадный огонек и сейчас же гаснет.

— Опять недоволен? — омурится Гитлер. — Мне это не нравится, старик!

— Очень трудно без хлеба, благодаритель. Боюсь, не протянули бы ноги мои солдатики... — Так уж все и протянут ноги!

— Одни ноги протянут, благодаритель, а другие — руки поднимут. Дескать, не желаем вам немцев воювать. Вот и кончилась моя армия.

— Ты с ними постройке, с поддлецами, Маннергеша!..

— Я и то стараюсь. Недавно приказ издал: «Какой финский солдат громко скажет: «Я голоден», — такого солдата немедленно под военно-полевой суд!»..

— Правильно!

— Правильно-то — правильно, только не совсем. Целыми полками приходится судить. А теперь уже и на дивизию пошло. Как раз вчера одна дивизия судилась. В полном составе. Забыл ее номер. Мы ее приговорили

к психической атаке на балтийских матросов. Утром сегодня она по приговору дошла в атаку!..

— Ну, и как?

— Все в порядке, благодаритель. Назад вернулись один номер.

— Молодец, Маннергеша! А о хлебе и не заикайся. Самим жрать нечего. Я твою службу не забуду. Адъютант! Налейте маршалу стакан шнапсу. Данке зер. Ну-ка, Маннергеша, дерни за мое здоровье!

— Закусить бы чем, благодаритель.

— Адъютант! Дайте маршалу луковицу. Там, кажется, осталась... Данке зер. Лопай.

— Нет того, чтобы старика колбаской побаловать!..

— Ох и надоедливый ты!

— Так ведь какой месяц я колбаски не жевал, благодаритель!

— Ладно, не канючь. Адъютант! Достаньте из чемодана кило... нет... полкило колбасы для маршала. Так... Данке зер. На, старик! И ступай!.. Да, смори у меня, воювать как следует!

— Будем стараться, благодаритель! Может, маслица еще пожертвуете?..

— Иди, иди, Маннергешка, не нахальничай!.. Шнапс можешь взять с собой. А солдатню свою взрей как следует. Наври ям чего хочешь, только бы дрались!.. Понял?

— Понял, — раскланиваясь, бормочет маршал Маннергейм, — все понял. Может, еще какой приказ надумаю. До свидания, благодаритель!

Пятясь задом и продолжая раскланиваться, маршал Маннергейм уходит.

Гитлер говорит адъютанту:

— Составьте коммюнике о том, что наше свидание символизирует укрепление дружбы между германским и финским народами. Укажите, что оно протекало в сердечной атмосфере и принесло обоим народам плодотворный результат.

Леонид ЛЕНЧ

НОВОСТИ ТЕАТРА

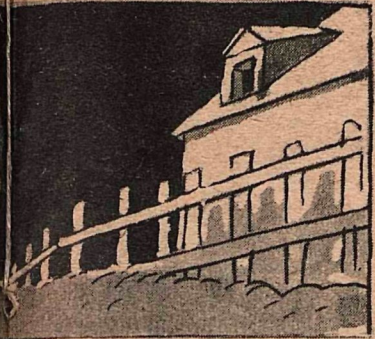
Театры в Вене превращены в лазареты.

Рис. Г. Валька

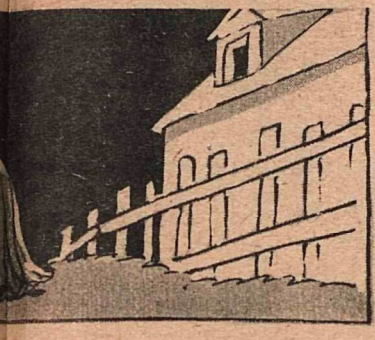

— Вы, фрау Ланге, пойдете сегодня в оперу?

— Обязательно! Ведь там лежит мой муж.

У соседа индивидуальный сад... А у соседа индивидуальный сад? Деду Неподу чужая репка! Сад к соседу на огород. Стал та-... не может.

Василису. А та и рада спариться. Внут-потанут — выгнать не могут.

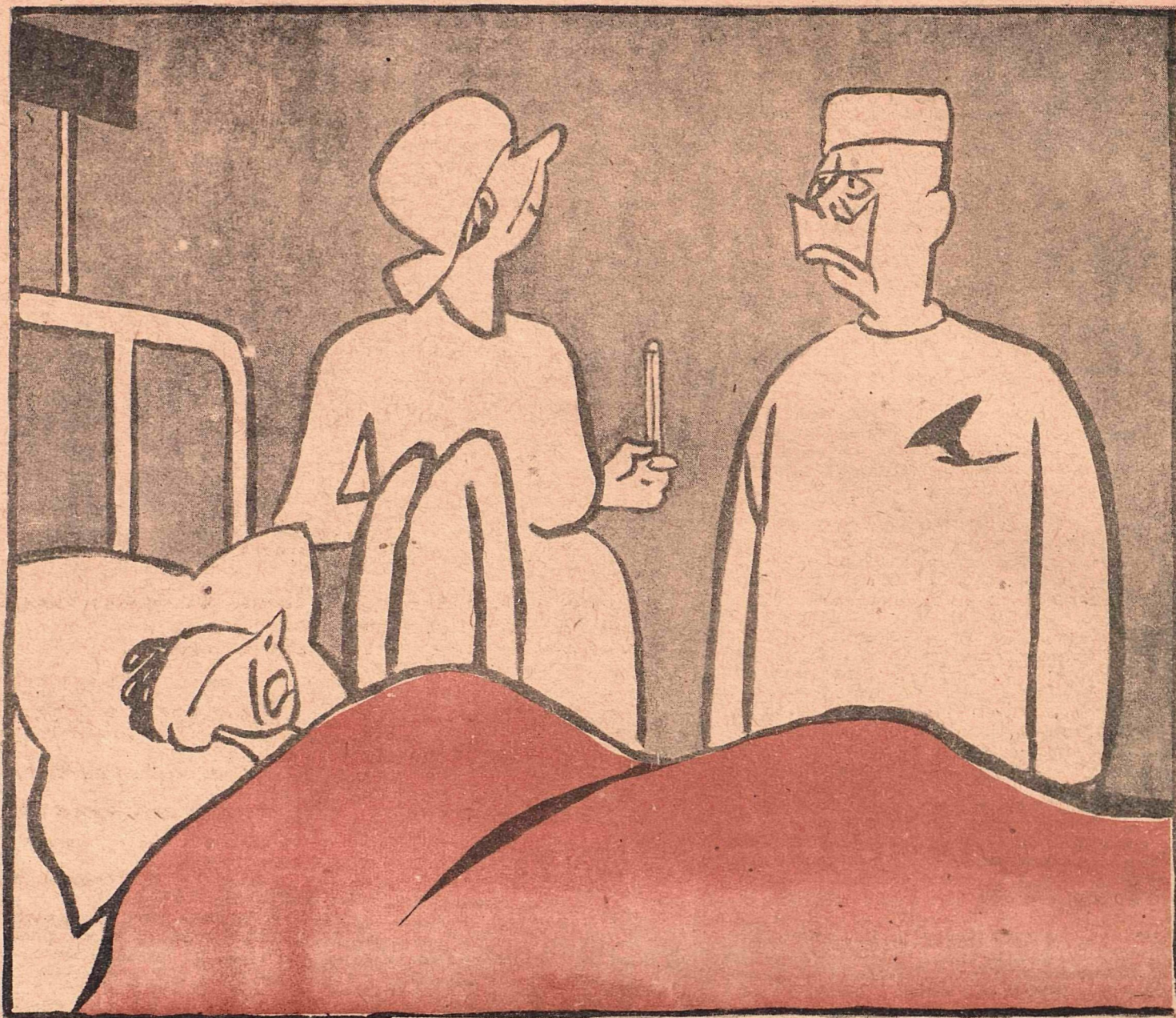
Грязное дело свою неустойчивую Дед — за чужую репку, бабка — за выгнать не могут!..

репку, бабка — за дедку, внучка — за — выгнали чужую репку. Глядя: а нового кодекса. Оттого репка и креп-

Ну и повели их всех в тюрьму: но в моральном отношении внучку как несознательную тварь, за свои...

- У Шульца 41,5°.
- Неопасно.
- Но он бредит!
- Опасности для жизни нет.
- В бреду ругает Гитлера!
- Гм... Определенно не выживет.

Как аукнется, так и откликнется

КОМЕНДАНТ югославского города Дубровника плешивый и гнусный майор Купке решил придать первой публичной порке непокорных югославам торжественный и почти театральный характер.

Он приказал священникам дубровницких церквей утром в воскресенье начать пасхальный трезвон. Домовладельцам было предложено украсить дома германскими флагами, муниципалитету — прибыть на городскую площадь во фраках, а населению — нарядиться в праздничные одежды, причем дамы должны быть преимущественно в белом, с распущенными косами.

Напрасно дрожащий и вильяющийся фалдами траченного молью фрака, как цуцик хвостом, предавший мэр города пытался доказать господину майору, что колокола спертые германским интендантством, материи на флаги нет, а население одевается преимущественно в самодельные трусики из рогажи.

Майор Купке налил крови, разорался и предупредил мэра, что если эта пышная программа будет сорвана хоть в одном пункте, мэр позаванет на колокольню вместо колокола.

Мэру пришлось проявить много изобретательности. Мобилизованные маляры довольно удачно намазали на голых телах членов муниципалитета крахмальные мазкишки, воротнич-

ки и галстуки, мобилизованные портнихи недурно сшили дамам белые туалеты из страшиц завезенных в огромном тираже в Дубровник «драм Геббельса» и гитлеровской «Моей борьбы». На пышные косы пошла пакля с раскрученных веревок от виселиц, и утром в воскресенье с церквей зазвучали ожалобными голосами обрешки взорванных партизанами рельсов. Жители Дубровника спешили на площадь.

Майор Купке остался доволен нарядным видом толпы. Он был достаточно близорук, чтобы не разглядеть, как по оплошности портнихи крупный заголовок из книги гитлеровского «философа» Розенберга «Истинное лицо арийца» прилепился в парадном платье юной дамы на ко всем противоположное место.

Когда колокола смолкли, на помост взбежал палач в красном костюме Мефистофеля, взятом из театральной мастерской. Палач шелкнул в воздухе шпателью, и метыре штурмовика втащили на помост празднания города Дубровника, который имел наглость выморкаться перед портретом фюрера. Виновный был брошен на механизированную подставку, и палач отсчитал ему пятьдесят ударов.

По окончании экзекуции майор Купке также вылез на помост, встал рядом с наказанным и, демонстрируя публике искаженную плетью спиной несчастного, произнес отеческую речь.

— Югославы! — сказал он. — Паршивая, неполноценная сволочь! Вас стоило бы всех истребить, но германское командование, проникнутое высоким гуманизмом, будет только драть вас без пощады. Я прекрасно знаю, что ваши острые уши находятся в Лондоне, а ваши собачьи сердца проживают в Москве. Но, грим и молния, я, чистый немец, майор Купке, напоминаю вам со всей решительностью, что ваши дрянные спины остаются в Югославии и мы спустим с них шкуру. Хайль Гитлер! Можете отправляться ко всем чертям!

Вечером Купке наслаждался собственной изобретательностью и остроумием в кафе, открытом только для германцев, а потом отправился в публичный дом. После полуночи он выкарабкался оттуда, сел в ожидавший его автомобиль и отправился домой.

Что произошло по дороге, осталось неизвестным. Но утром граждане города Дубровника обнаружили на колокольне городского собора майора Купке, который ритмично раскачивался на веревке вместо колокола, высунув язык подобно настоящему колоколу.

А на дверях колокольни висел краткий, но выразительный плакат: «Наши спины в Югославии, но гитлеровские шеи тоже здесь. С почтением — партизаны Югославии».

Борис ЛАВРЕНЕВ.

ТОВАРИЩ Курицын сидел у себя в кабинете и кипятился:

— У меня как раз четыре телефона, а рук только две. Вот тут и разошлись!

Левой рукой он прикладывал к напряженному, набухшему уху телефонную трубку, а правой уже тянулся к другому телефону:

— Покрышечный? Я спрашиваю: покрышечный цех? Ну, как оно? Пере... Не до... Да вы, Игнатий Петрович, сердечный друг, спятисли! Что вы мне дождоняте — отлично?! Я вас цифру, цифру спрашиваю!

Он утирал пот и хватался за другую трубку:

— Колесный? Иван Яковлевич, да ты слово «ко-ль-чество» понимаешь? Или ты не понимаешь этого слова?

Товарище Курицына преследовали видения цифр. Они являлись ему — необычайные, залитватские, ошеломляющие. Ему хотелось такой цифры, которая убивала бы с ног все предыдущие. И, к чести товарища Курицына, надо сказать, что он совсем не мечтал, что, взметнувшись десятим валом, эта цифра вознесет его на гребень волны. Нет уж, бог с вами, с гребнем. Ладь бы сама она была пригожая и многозначная. Одним словом: пере-пере...

Он откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. И вот тут-то оно и произошло.

Как в тумане, предстала перед ним секретарша и сказала:

— Товарищ Курицын, с сегодняшнего дня наш участок осваивает новую продукцию. А вы назначаетесь директором. Будете производить лошадей. Понятно?

— Не понятно. Как же это я буду...

— Очень просто, — сухо отчеканила бесприметная секретарша. — Химическим и конвейерным способом. Да вы, наверное, что-нибудь проспали?

— Наверное, действительно проспал, — облегченно вздохнул товарищ Курицын. — Ну, так-то я согласен! Я даже с удовольствием, — и он привычно схватился за трубку: — Покрышечный?

Знакомый голос Игнатия Петровича ответил:

— Теперь мы, товарищ Курицын, больше не покрышечный. Мы башковый. Ага, башки делаем. Ну, кобылки, стало быть, головы...

— Количество, количество, батенька! — бодро закричал товарищ Курицын, чувствуя, что осваивает новое производство. — Башка — она счет лобит!

Дальше оказалось, что колесный цех делает теперь копыта и бабки. Товарищ Курицын все время ездил на машине и давно не подходил к лошади. И он забыл, что это за таракан за бабки и где они приделаны, но и тут крикнул на всякий случай:

— Цифру, цифру мне гони, Иван Яковлевич! Чтоб на каждого коня полный комплект с запасом.

Цех, вытискавший шурупы, переключился на лошадиные зубы и уши, тормозной — на шей, а вот отдел кадров почему-то стал из-подготавливать гривы, хвосты и челси.

— Производией завалим! — весело ответили из бывшего отдела кадров. — За нами дело не станет.

Время шло. Товарищ Курицын звонил, волновался, бегал по цехам и все ментал о захватской, многозначной цифре перевыполнения.

Наступил день приемки авторитетной комиссией первой партии готовой продукции. В сборочном слухорадожно привычкивали последнее ухо; подвешивали хвост, приколачивали копыта. Товарищ Курицын висел на телефоне, и в тот момент, когда он присоединился к членам комиссии, распахнулась дверь и вошел... вошло... нет, вляпилось оно, это самое, так сказать, освоение творчество в готовом виде.

Одного члена комиссии стошнило немедленно. Другой дрожжащими руками протер сна-

— Вот образцовое письмо к родным, полное оптимизма и уверенности в победе. Где его автор, ефрейтор Шмерке?
— Сдался вчера в плен, господин обер-лейтенант!

чала очки, потом глаза я, наконец, слабым голосом попросился:

— Я хочу домой!

Третий член комиссии дружно прошептал:

— Это как же понимать?

— Оно... это самое, очевидно, мерин... — кратко и по возможности бодро пояснил товарищ Курицын.

Стоя у дверей, оно заржало. Но, простите меня великодушно, заржало не ртом. Рот был в слепке выгнуто заклепан. Если бы только ртом, комиссия, может быть, простила бы в рванные уши, и бракованные копыта, и брюхо, съехавшее под живот. Но оно заржало как раз черт знает чем, так, что даже невозможно было внести в приемочный акт.

А заржав, оно прыгнуло гривой. Вот уж чего было в избытке! Хватило бы на целый табун и, видявков, на покрытие двух авторитетных членов комиссии.

Стараясь не глядеть на ржущую продукцию, товарищ Курицын пролепетал:

— Зато, понимаете, количественно мы значительно пере...

И тут он, как полагается в каждом безвыходном положении, — проснулся! Проснулся, схватился за трубку, но сейчас же бросил ее и пустился бегом по цехам.

Покрышечный, колесный, тормозной — уф! — все было на своих местах и не уши, не хвосты, нет, черт их побери! Пугаются же этакое! Цехи делали безуклясти то, что и до сих пор, до этого проклятого сна.

Товарищ Курицын подбежал к Игнатию Петровичу и сказал срывающимся голосом:

— Качество! И количество и качество! Друг сердечный, качество, как оно?

— Будьте радостны, — улынулся Игнатий Петрович. — у нас девочки работают сознательные. Ночей из-за этого самого качества не спали. Ну, и все-таки, могу сказать, добились!

— Ну, слава тебе! — облегченно вздохнул товарищ Курицын. — А то ведь и я не спал. И потом он не хотел, но все-таки спросил:

— А насчет пере...

Игнатий Петрович даже присосанился:

— Перевыполнили! Это дело уже в привычку вошло. А привычка, сами знаете, — вторая натура.

В. КАРБОВСКАЯ

Метким ударом

(По столбцам красноармейской печати)

ПРОВЕРЕНО ПРАКТИКОЙ

— Я пришел к выводу, Фриц, что ум немца в ногах.

— Здорово! Уж не ногами ли ты это выдумал?

— Как хочешь! Когда красные идут в штyki, голова у меня — кругом, руки — вверх и только ноги не теряются: прут к дому.

(«Патриот родины»)

НАВЕРНЯКА

— Шульц горевал, что не свидеться ему с отцом. А вот теперь навверняка свидится.

— Как?! Ведь его отец убит в восемнадцатом на Украине?

— Шульц едет туда же... Вот и встретится на том свете...

(«Патриот родины»)

ГДЕ ЛУЧШЕ?

— Бедный Апфель! Собирался на Урал, да вастрял на Украине.

— Ну и молодец! Что Урал: горы, камень, дикое место... То ли дело Украина — чернозем!!!

— А почему вы думаете, дорогой граф, что в черноземе покойнику приятнее?

(«Патриот родины»)

В «ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ»
ФИНЛЯНДИИ

— Кого это за шиворот в полицию тащат?

— А это добровольца в армию берут, а он сопротивляется.

(«Во славу родины»)

«РАЙСКАЯ» ЖИЗНЬ

— Скоро, фрау Хильда, благодаря фюреру мы будем жить, как в раю.

— ?!

— Сборщики одежды оставят нам только костюмы Адама и Евы.

(«За нашу родину»)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-30, Д 3-33-47. Прием ожеди. с 1 до 5 часов. Подписка цена на журнал — 1 р. 60 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“.

А 50913

Москва, Изд. № 548.

Подписано к печати 13/VII 1942 г.

Статформат 72 x 105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

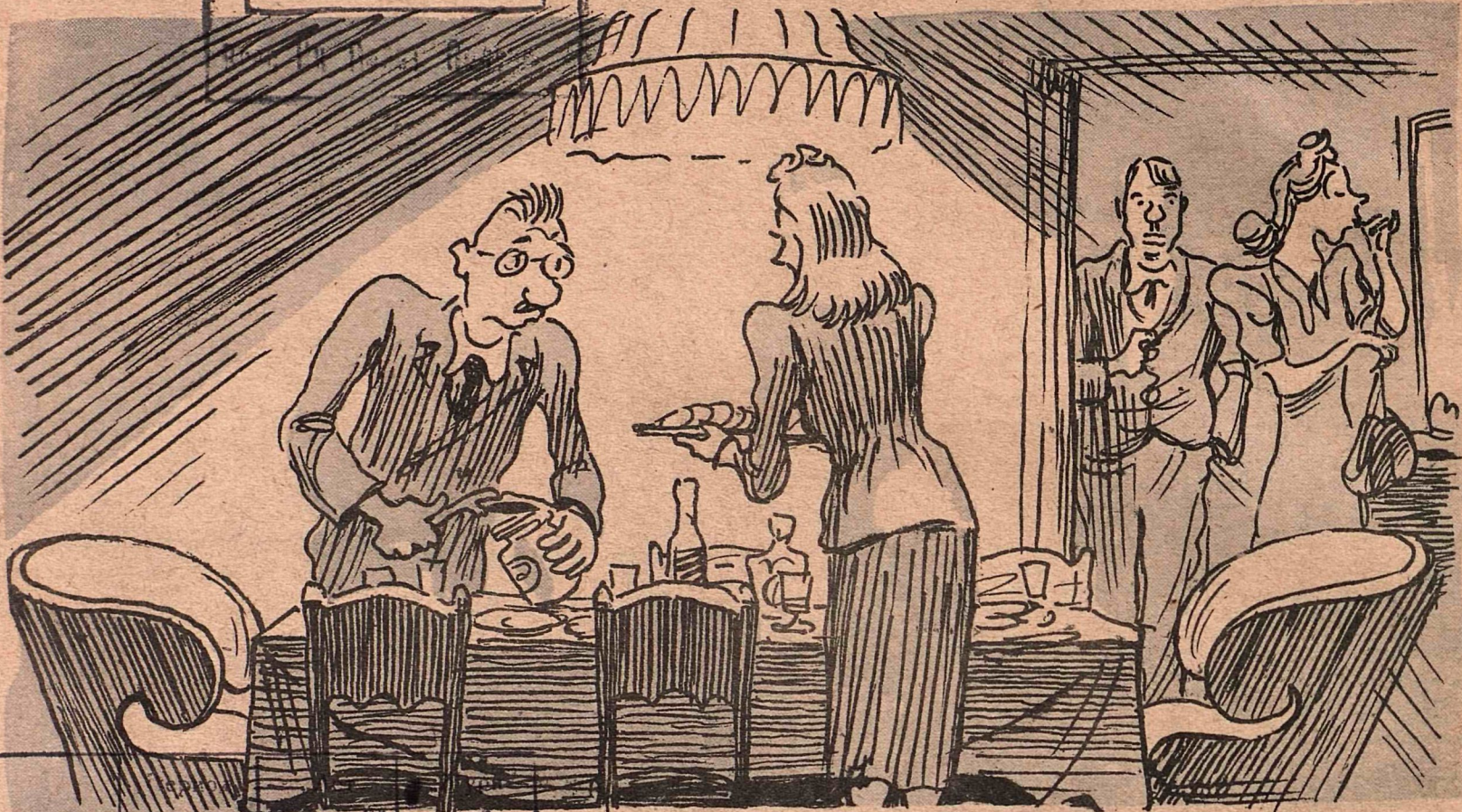
Типография газеты „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 1882. Тираж 200 000 экз.

ОБЯЗАТ. ЭКЗЕМПЛЯР

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЖЕНА

Рис. Н. Радлова

1 АВГ 1942

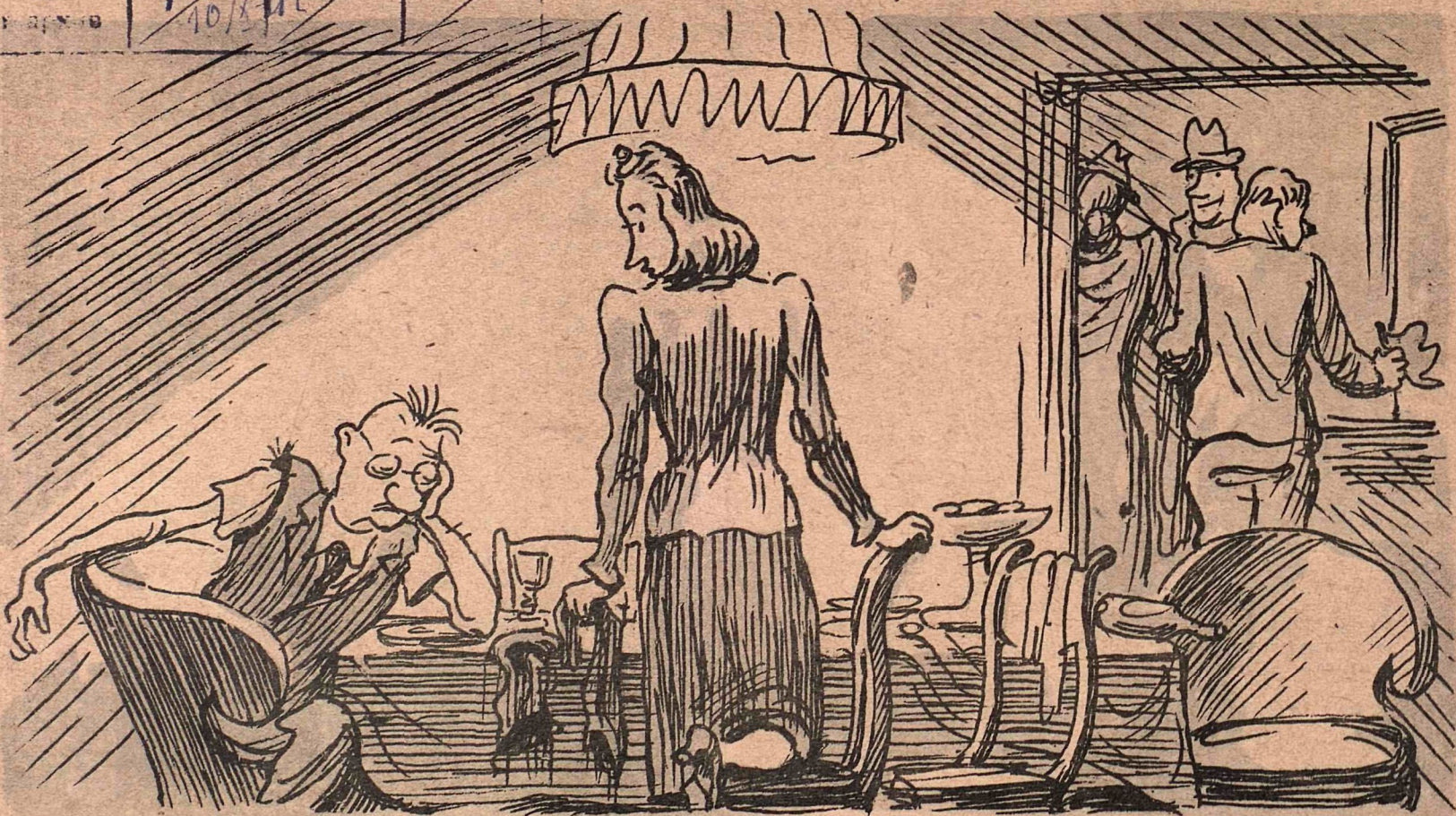
и сержи "террорист" лет

Очень тебя прошу, милочка, дернуть меня за рукав, если я что-нибудь сблгтну лишнее про наш завод при гостях.

Получ.
в ред.

Сдан

5/VI
10/8/42

Когда гости разошлись...